

— Я же говорил: кому-то это под силу, а кому-то нет, — неторопливо произнес человек в маске.
— Ты думал, что сможешь, но совершенно очевидно, что ты, как и Чжан Цань, относишься к тем никчемным, кому «не дано».

— Я больше не хочу тренироваться, — прошептал Пань Цзиньхуа потрескавшимися губами.

— Раз уж все так обернулось, боюсь, невредимым тебе уже не уйти, — человек в маске присел перед ним на корточки. — Чем возвращаться домой бесполезным калекой и дураком, лучше рискнуть в последний раз.

В мутных глазах Пань Цзиньхуа снова вспыхнул огонек:

— У меня еще есть шанс освоить эту технику?

— Есть, если будешь меня слушаться. — Человек в маске медленно провел ледяным пальцем по его щеке, словно любовался не самым удачным своим творением. Пань Цзиньхуа прислонился к дереву. Сам не зная почему, он вдруг почувствовал, как по спине пробежал мороз, а конечности сковал неопиcуемый ужас. До него внезапно дошло, что сейчас произойдет; он попытался вырваться и сбежать, но чья-то мощная рука мертвой хваткой сжала его челюсть и заставила открыть рот.

Приторно-сладкое снадобье с привкусом крови потекло в горло.

— Кха-кха! — Пань Цзиньхуа рухнул в траву, отчаянно пытаясь пальцами вызвать рвоту и выплюнуть лекарство, но его разум уже снова погружался во тьму.

...

Чжу Яньинь, переодевшись, вышел под лунный свет и, раскинув руки, спросил у двоюродного брата:

— Ну как?

Чжу Синьсинь искренне недоумевал:

— Что-то ты в последнее время больно много красуешься.

Чжу Яньинь опешил:

— И это говоришь мне ты, вырядившись вот так?

— Но я хожу так целый день и не переодеваюсь посреди ночи, — возразил Чжу Синьсинь.

«У нас совершенно разные ситуации, — подумал Чжу Яньинь. — На меня смотрят, а на тебя — нет. Так что одевайся как хочешь».

Примечание автора:

Одинокий двоюродный брат подвергся насмешкам.

Цзян Шэнлинь в последние дни только и делал, что изучал яд в теле Чжана Цаня. У него так кружилась голова и рябило в глазах, что посреди ночи он решил выйти во двор подышать свежим воздухом. Увидев посреди двора нечто ослепительно белое, искрящееся и словно окутанное божественным туманом, он едва не подумал, что уже вознесся на небеса. Но стоило

ему проморгаться — а, оказывается, это Сяо Инь.

Чжу Яньинь спросил:

— Почему вы еще не отдыхаете, целитель?

— Только что из заднего двора, — ответил Цзян Шэнлинь, присаживаясь на каменную скамью.

— Тело Чжан Цаня можно будет сжечь уже завтра.

Чжу Яньинь велел слугам принести ему горячего цветочного чая:

— Всё выяснили?

— Да, — Цзян Шэнлинь размял шею. — Из Дворца Ваньжэнь еще никто не возвращался?

— Нет, — Чжу Яньинь поднял глаза к небу. Клубились тяжелые темные тучи, в горах явно собирался дождь.

...

Ветер пробирал до костей.

Пань Шихоу с тревогой произнес:

— Интересно, есть ли новости от Лань Янь?

— Раз сигнальной ракеты не было, значит, и новостей нет, — Ли Суй бросил взгляд на стоявшего рядом старика. — Тебе лучше вернуться, а я возьму людей и поищу еще на востоке.

— Я пойду с тобой, — наотрез отказался возвращаться Пань Шихоу. Хотя он уже изнурил себя так, что глаза ввалились, а лицо приобрело землистый оттенок, он никак не мог со спокойной душой отправиться спать. Ли Суй поддержал его под локоть, и они вместе направились в другую сторону.

Деревья шумели листвой.

Начали падать редкие капли дождя, отчего пламя факелов сжалось до тонких полосок света, не дававших ни капли тепла. На крутых и скользких склонах Ли Суй фактически тащил Пань Шихоу на себе. Повсюду разносились отголоски поисковых криков, от их эха ущелье казалось еще более пустынным и мрачным. Пань Шихоу дрожал от холода, его зубы выбивали дробь, а при мысли о сыне тревога лишь нарастала. Вдруг он оступился и чуть не покатился по крутому откосу.

Ли Суй подхватил его и молча забросил к себе на спину. В душе Пань Шихоу бушевал вихрь противоречивых чувств. Лишь спустя долгое время он хрипло проговорил:

— К счастью, в этот раз ты оказался рядом, иначе... иначе...

— В это время года в горах еще не так холодно, к тому же можно прокормиться дикими плодами, — сказал Ли Суй. — Тебе не стоит так сильно переживать.

Пань Шихоу удрученно вздохнул. Его разум затуманился, и сложно было понять, о чем он думает.

Дождь расходился все сильнее.

Один из учеников Дворца Ваньжэнь принес дождевик, чтобы укрыть Пань Шихоу.

Ли Суй опустил старика в укрытом от ветра месте:

— Жди здесь, а я схожу разузнаю, как дела у Лань Янь.

Пань Шихоу торопливо закивал. Он понимал, что движется слишком медленно, поэтому не стал напрашиваться с ним.

В лесу стояла кромешная тьма. Факелы залило дождем, и только благодаря небольшому костру, который развели ученики Зала Тяньчжу, вокруг разлился хоть какой-то свет. Даже дикие звери попрятались в свои норы. Кроме людей из Дворца Ваньжэнь и Зала Тяньчжу, на всей горе, казалось, не было ни одной живой души.

Вдруг Ли Суй настороженно замер.

Стоявший рядом теневой страж недоуменно спросил:

— Глава?

Какая-то темная тень стремительно пронеслась сквозь заросли травы. Незвестный двигался настолько бесшумно и легко, что даже теневые стражи Дворца Ваньжэнь, славившиеся своим мастерством легкости, ничего не заметили. Лишь Ли Суй уловил чужое присутствие, но среагировал на долю секунды позже, чем следовало.

— Берегись!

Пань Шихоу, сидевший под деревом и массиравший ноющие плечи, не понимал, что происходит. Услышав предупреждение Ли Суя, он чисто на рефлексх мастера боевых искусств резко отскочил вверх. Но в то же мгновение из кустов вырвался темный силуэт и, неся с собой ледяной ветер и жажду убийства, бросился прямо на него!

Вспышка костра осветила искаженное, свирепое лицо нападавшего. Пань Шихоу в панике успел разглядеть его черты и от шока забыл, что нужно уклоняться — впрочем, он все равно бы не успел. Старик застыл на месте, ошеломленно вскрикнув:

— Цзиньхуа!

Пань Цзиньхуа никак не отреагировал на крик. Он даже не посмотрел на отца. Подобно лишившемуся рассудка Чжан Цаню, он превратился в живой труп, ведомый лишь жадой убийства. Пань Шихоу порывисто протянул руку, пытаясь схватить его, но Пань Цзиньхуа пронесся мимо и с остекленевшим взглядом ринулся дальше.

Ли Суй вернул меч в ножны и встретил удар Пань Цзиньхуа голыми руками. В детстве они часто спарринговали, и Пань Цзиньхуа всегда проигрывал уже на третьем ударе — и то лишь при условии, что Ли Суй поддавался, иначе не продержался бы и половины приема. Но в этот раз все было иначе. Внутренняя сила Пань Цзиньхуа словно возросла в десять раз за одну ночь. От столкновения у Ли Суя даже онемели предплечья, заставив его отступить на полшага.

Пань Шихоу в отчаянии затопал ногами:

— Цзиньхуа! Вернись!

Зрачки Пань Цзиньхуа расширились настолько, что белков глаз почти не было видно. Из его горла вырывалось хриплое, прерывистое дыхание. В его разуме бушевало яростное пламя, пожиравшее все мысли, кроме одной — той самой, которую нашептал ему голос из-под серебряной маски: «Убей Ли Суя».

«Убей Ли Суя».

Он снова ринулся в атаку, двигаясь неестественно, словно восставший мертвец, и намертво вцепился в Ли Суя.

Поддерживаемый учениками, Пань Шихоу едва стоял на ногах. Когда-то он страстно желал, чтобы его сын совершил прорыв в боевых искусствах и смог выдержать против Ли Суя хотя бы десять или двадцать приемов. Случись такое раньше, он бы от счастья плакал во сне. Но сейчас, видя своими глазами, как Пань Цзиньхуа обменялся с Ли Суем уже почти сотней ударов, он не чувствовал радости — только безграничный ужас. Подобный неестественный всплеск внутренней силы, превосходящий пределы человеческого тела, неизбежно вел к столь же стремительному и необратимому истощению. Это напоминало облитые маслом дрова, которые вспыхивают ярким пламенем, чтобы в одно мгновение обратиться в пепел.

— Цзиньхуа! — спотыкаясь, он бросился вперед, пытаясь остановить сына.

Ли Суй тоже хотел поскорее обезвредить Пань Цзиньхуа. Победить его было несложно, трудно было вернуть его Пань Шихоу целым и невредимым. Пань Цзиньхуа сейчас напоминал безумца — хрупкого, словно стеклянная фигурка, которая от любого неверного движения разобьется вдребезги. Чтобы не покалечить его, Ли Сую пришлось уклониться от удара. Но как раз в этот момент подбежал Пань Шихоу. Разъяренный тем, что кто-то посмел преградить ему путь к Ли Сую, Пань Цзиньхуа впал в животную ярость. Его пальцы скрючились подобно стальным когтям, и он нанес резкий удар прямо в лицо собственному отцу.

Все произошло в мгновение ока.

Пань Цзиньхуа хрипло расхохотался, его когти были уже в паре цуней от глаз Пань Шихоу. Ли Суй резко схватил Пань Шихоу за воротник и оттащил в сторону. Позади зияла бездонная темная пропасть. Видя, что Пань Цзиньхуа по инерции несется вперед, Ли Суй свободной рукой перехватил его левое запястье.

Это разозлило Пань Цзиньхуа еще сильнее. Он с силой взмахнул свободной рукой, и удар пришелся по плечу Ли Суя — раздался глухой хруст треснувшей кости. Стиснув зубы, Ли Суй отшвырнул Пань Шихоу подальше от обрыва, под дерево, а сам ребром ладони нанес резкий удар Пань Цзиньхуа по шее, наконец-то заставив того потерять сознание.

— Глава! — в этот момент из чащи выбежала Лань Янь со своими людьми.

— Цзиньхуа, Цзиньхуа! — Пань Шихоу торопливо звал сына, после чего зычно скомандовал: — Живее, живее, идите сюда! Помогите отнести молодого господина в город, скорее к лекарю Цзяну!

Ученики Зала Тяньчжу наспех соорудили носилки из своих верхних одежд и шумной гурьбой понесли Пань Цзиньхуа прочь из леса.

Пань Шихоу семенил следом.

Лань Янь презрительно фыркнула:

— Сразу видно, родной сын. Стоило найти его, как он обо всем позабыл и даже словом с нами не обмолвился.

На лице Ли Суя блестели капли воды — невозможно было понять, дождь это или холодный пот. Он отбросил в сторону кожаный наруч, под которым на запястье отчетливо виднелся сочащийся кровью след от укуса.

Увидев это, Лань Янь побледнела от страха:

— Это Пань Цзиньхуа вас укусил?

<http://bllate.org/book/18290/1754146>